

Не везетъ, да и на поди!

(Посвящается безпардонному собакаю Данилычу).

(Окончаніе *).

IV.

Щербатовскія мѣста оказались — славны бубны за горами. Мѣста и велики, и не полазисты, и звѣря краснаго мало, зайца же хотя и много, но весь въ лѣсу и въ поле не выживешь никакими судьбами.

Волчій выводокъ во всѣхъ мѣстахъ былъ разъединный одинъ и то — стронутый.

Побольше краснаго звѣря оказалось только въ сосѣднихъ съ Щербатовскими мѣстами, въ мѣстахъ графа Воронцова-Дашкова и въ Чардымскихъ мѣстахъ г-жи Яковлевой, но и эти мѣста тоже великоваты и тоже не особенно полазисты.

17-го сентября брали мѣста около д. Студенки, почти на самой границѣ Вольскаго уѣзда.

Дни все время стояли до-нелзя жаркіе, такъ что охотиться было возможно лишь по утрамъ, да къ вечеру.

Первымъ набросили „Середній“ островъ.

Такъ какъ острова эти отъ мѣста нашей стоянки, села Сухого-Карабулака, далеко, то вышли мы чуть не съ полночи и лишь только показалось солнце, какъ стаю бросили.

Двое ружейниковъ стали на полянѣ въ самомъ лѣсу, господа борзятники заняли лазы отъ «Печнаго», отъ остальныхъ же острововъ помѣстились борзовщики.

Утро было великолѣпное: сырое, прохладное, тихое.

Наброшенная стая живо добыла, помкнула и жарко повела было впередъ, съ середины же-острова верпулась и стала водить

*) См. мартъ, 1886 г.

на кругахъ; нѣсколько разъ скалывалась, но довольно быстро справлялась и держала долго, а ни выстрѣловъ нѣтъ, ни травли не слышно. Вотъ стая ведетъ на нашъ бокъ, вотъ ужъ и отъ опушки недалеко, — вдругъ: хлопъ! хлопъ! — какая-то шельма, изъ выжлятниковъ, невпопадъ „смекнувъ“, отхлопалъ.

Стоимъ ужъ давно. Солнце начало пригрѣвать и поднялся довольно сильный вѣтеръ.

Оглядывается мой борзятникъ Андрей; а сзади него, въ опушкѣ колка, къ которому онъ стоитъ спиной, стоятъ три волка и внимательно вслушиваются въ необычный шумъ, въ «Середнемъ», производимый голосами гончихъ и псарей и арапниками.

И близко волки стоятъ, не замѣчая охотника, да ничего не подѣлаешь — колокъ и великъ, и часть. Подаетъ рогъ „по волку“.

Является охотникъ Корбутовскаго — Никита и, вмѣсто того, чтобы заѣхать и отрѣзать волкамъ ходъ въ «Орѣховый», начинаютъ подавать въ два рога.

За вѣтромъ никто не слышитъ.

Видя, что никто съ «мозгами» на помощь не является, начинаютъ шевелить собственными и, что надлежало сдѣлать еще съ самаго начала, дѣлаютъ подъ конецъ: Андрей остается на мѣстѣ, а Никита заѣзжаетъ на другую сторону колка.

Волки-же, межъ тѣмъ, конечно, не дожидались и когда Никита заѣхалъ, то перевидѣлъ уже послѣдняго, улепетывающимъ въ Орѣховый.

Разгорячась и не принявъ во вниманіе дальность разстоянія, Никита толкаетъ за нимъ, но никакъ не можетъ указать собакамъ.

Наконецъ, уже подъ самую опушкою, молодая сука «Голубка» возрилась и живо стала было поспѣвать, да поздно! волкъ юркнулъ уже въ островъ...

19-го беремъ народомъ Орѣховый.

12 своръ и 3 ружейника.

Облавы 70 человѣкъ слишкомъ.

Несмотря на всѣ усилія псарей заставить идти ровно чащей, народъ, кучами, претъ тропами, дорогами и полянами.

А островъ большой, заразистый и волки вѣрные...

Никита ровняется правой опушкою и принимаетъ травить выскочившаго бѣлячишку.

Собаки не захватили, бѣлячишка несется назадъ къ острову. Скорѣе всѣхъ справился молодой кобель «Черкай», живо приспѣлъ и, желая захватить бѣлячишку броскомъ, такъ треснулся

о дерево, что лишь правильнымъ успѣлъ вильнуть и духъ вонь!...

Правѣ меня стоялъ другой охотникъ Корбутовскихъ — Павелъ и когда уже облава была на виду, Павелъ принялъ травить при-
былаго бѣлячишку. И бѣлячишка-то всего съ кошку, такъ что и сбрасывать-то не хотѣлъ сначала, а потомъ, рѣшивъ, что лучше пускай хотя что нибудь болтается въ торокахъ, нежели ничего, сбросилъ, и сбросилъ-то на грѣхъ: одинъ изъ кобелей такъ ударилъ грудью односворницу Раскидку, что все ей отшибъ и суку пришлось везти въ экипажѣ.

Взяли еще «Медвѣжій» и «Ближнюю-Дубраву»; но такъ какъ облава продолжала идти все также мерзко пакостно, то результаты тоже оказались изъ рукъ вонъ плохи.

За весь день трехъ бѣляковъ убили и бѣляка да лису за-
травили.

V.

9 часовъ вечера.

Компанія наша, уютно расположившаяся во флигелькѣ «Никифоровича», Ивановской усадьбы Корбутовскихъ, уже поужи-
нала, но спать не ложится.

Всѣ, въ какомъ-то особенно возбужденно-торжественномъ со-
стояніи, повидимому, чего-то ждутъ...

Не слышать обычныхъ шутокъ и пререканій «звѣря сугу-
баго, хвостастаго», съ «бурундукомъ полосатымъ». Оба они по-
жираютъ папиросу за папиросой и поминутно посматриваютъ
на часы. Даже стаканы съ «кахетинскимъ» и тѣ забыты.

Комфортабельно расположившись на диванѣ и убаюкиваемый
тишиною, начинаю грезить, а затѣмъ и дремать.

— Васька-а! раздается энергичный, зычный возгласъ Сергѣя
Павловича, отъ котораго, вздрогнувъ, являюсь къ дѣйствитель-
ности.

Влетаетъ Васька, этотъ типъ, какъ выражается нашъ сото-
варищъ Леонидъ Юльевичъ, «подать, принять, разбить, заки-
нуть», и вытянувшись по солдатски, вопрошаетъ:

— Чего извольте-съ?

— Что еще не вернулись?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, пошелъ вонъ! да какъ только пріѣдутъ, пускай взой-
дутъ прямо сюда.

— Слушаю-съ! и Васька моментально исчезъ.

.

Компанія наша съ нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія «Лексѣва» съ подвывки.

Уѣхали рано, островъ недалеко, а не возвращаются что-то долго.

Наконецъ, уже въ 11-мъ часу, входитъ „Лексѣвъ“ и, остановясь у порога, утираетъ полою полшубка заиндевѣвшіе усы и бороду. За нимъ протискивается и проводникъ—полѣсовый.

Видъ Лексѣва такъ необычно важенъ, что нѣтъ сомнѣнія,—„отозвались“, но все-же сердце невольно замираетъ и срывается съ губъ вопросъ:

— Ну, что?!

— „Отозвались“, получается лаконическій, неторопливый отвѣтъ Лексѣва, который усиленно старается обогреть ледяныя сосульки съ усовъ.

— Что, иль морозно?

— Морозъ сильный, вѣтеръ!—и начинается подробное повѣствованіе...

9 часовъ утра слѣдующаго дня—26 сентября.

Своры по мѣстамъ, стая наброшена.

Беремъ „Костино“, стоимъ отъ „Большого Гулина“.

Перебѣгъ съ версту, чистыми озимами.

Денекъ сильновѣтряный, холодный. Вѣтеръ наискось съ „Гулина“ на „Костино“.

Правѣ меня стоитъ Ваничка Буковский, лѣвѣе и на лучшемъ лазу—Сергѣй Павловичъ.

За вѣтромъ долго ничего не слышно, но такъ какъ знаешь, что въ островѣ съ псами самъ Александръ Павловичъ, то спокойнѣе, увѣренъ, что псари напакостить не должны.

Вотъ и гонъ уже слышенъ. Вслушиваешься.

Гонъ жаркій и Алексѣй подъ стай.

Немного погода, вижу — 3 шумовыхъ волка выходятъ изъ опушки и скрываются въ глубокой лощинѣ, на которой стоитъ Сергѣй Павловичъ.

Ну—думаю—други, двое изъ васъ наши навѣрняка, а коли обстоятельства сложатся благопріятно, то и третьему не уйдти,—и съ нетерпѣніемъ жду, когда приметъ травить Серг. Павл. Давно спустились волки въ лощину, а Серг. Павл. что-то не травить.

— Неужели они, помѣтивъ его, вернулись въ Костино такъ, что я и не замѣтилъ—думаю.

Но вотъ Серг. Павл. съ мѣста толкаетъ въ карьеръ и скачетъ къ Гулину.

Не сбрасывая собакъ, во весь махъ своей кровной «Мамочки» выношусь изъ лощины, но затѣмъ моментально, почти припавъ къ гривѣ коня, возвращаюсь назадъ: волки стоятъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ я увидалъ ихъ первый разъ, выходящими изъ Костина, и подозрительно смотреть въ нашу сторону.

— Зачѣмъ-же это Серг.-то Павл. скачетъ? — недоумѣваю.

Постояли, постояли волки, одинъ изъ нихъ даже присѣлъ на нѣсколько мгновений, и скрылись обратно въ Костино. Между тѣмъ Серг. Павл., доскакавъ до Гулинскаго врага, спѣшился; собаки около него, а чтобы торочилъ — не видно.

Положительно ничего не понимаю.

Гляжу опять къ Костину: мимо той самой яблоньки, подъ которою стоялъ Серг. Павл., бѣжитъ волкъ, но не прямо въ Гулино, а наискось, по направленію къ селу Идолгѣ. Бѣжитъ легонько. Машу Серг. Павл., кричу, — тому не видно и не слышно. А волкъ скрывается за уваломъ.

— «Улю-лю! улю-лю-лю!» доносится оттуда неистовый голось, а затѣмъ показывается опять волкъ, уже несущійся прямо къ Гулину, а за нимъ „Летай“ изъ своры охотника Корбутовскихъ — Карпухи и по тому, какъ этотъ рѣзвый кобель усиливается, сузу, что волкъ — матерый.

Услыхавъ улюлюканіе — одинъ моментъ: молодчина-кавалеристъ въ сѣдлѣ, во всѣ поводыя спѣшитъ къ Карпухѣ, но спустившись въ «свою» лощинку, круто поворачиваетъ влѣво, къ Гулину. «Улю-лю» и все скрывается изъ моихъ глазъ въ Гулинскомъ врагѣ, откуда лишь доносится нѣсколько улюлюканій.

За то теперь гончихъ слышно явственно. Стая плачѣмъ плачетъ и — по слуху — въ полѣ уже, но несмотря на совершенно ровное, повидимому, поле и всю чистоту озимей, ея не видно.

Ужъ совершенно ничего не понимаю!....

Вотъ выносятся изъ острова Алексѣй. Саженьяхъ въ 10 отъ опушки его было еще видно всего, но затѣмъ — одна шапка мелькаетъ.

А! теперь понятно: издали-то озими кажутся ровными, на самомъ-же дѣлѣ тамъ глубокая лощина, на которой и стоялъ Карпуха.

Черезъ нѣсколько мгновений, чортомъ, вылетаетъ изъ опушки Костина Александръ Павловичъ, на своемъ бѣломъ „Ханѣ“; вотъ онъ на секунду останавливается, прислушивается и затѣмъ лихо, картинно несется озимями.

А вотъ на потемнѣвшемъ отъ пота, гнѣдомъ „Орликѣ“, въ

томъ-же мѣстѣ выскакиваетъ Оедька-выжлятникъ,—тоже останавливается, прислушивается и тяжелымъ, усталымъ поскакомъ, направляется туда, гдѣ—слышно—стараятся заскакать стаю, да тщетно: она ужъ реветъ въ Гулинѣ, да такъ реветъ, что ажно мурашки по кожѣ бѣгутъ отъ этого рѣва.

Наконецъ, въ концѣ Костина показывается и старый выжлятникъ, отчаянная, забубенная головушка Степка „каторжный“ и во всю силу своего желѣзнаго сибиряка „Волдыря“, несется уже на гонь.

Только повертываю лошадь, чтобы и самому отправиться туда,—смотрю, Ваничка подскакиваетъ.

— Володя! вели поскорѣй гончихъ набросить въ колочекъ около моего лаза,—тамъ волкъ. Собаки его до крови таскали.... Василий караулить.... запыхавшись, обращается онъ ко мнѣ. .

Оказывается:

Прежде нежели вышли на Серг. Павл., видѣнные мною, 3 волка, сосѣдней лощинкою, между его и моимъ лазомъ—ближе ко мнѣ,—побѣжала лиса. Серг. Павл. и принялъ травить ее, волки-же, увидя выдвинувшагося изъ-за куста всадника, вернулись.

Мимо Карпухи прошелъ материкъ, а затѣмъ побѣжала и матерая волчица, которую тотъ и принялъ травить. „Летай“ нѣсколько разъ останавливалъ ее, да молодые односворники не могли, и волчица ушла.

Когда-же Серг. Павл. поскакалъ на помощь Карпухѣ, то подъ опушкою Гулина увидалъ прибывлого волка, толкнулъ за нимъ, но не поспѣлъ.

Вскорѣ послѣ отчаяннаго улюлюканія Карпухи, „Будишка“ вывела прибывлого волка на Ваничку.

У того въ сворѣ были 3 лиллипутскія сучки.

Ваничка храбро бросаетъ ихъ волку въ лобъ, „Сударка“ съ „Сайгой“ берутъ плотно и растягиваютъ звѣря, но такъ какъ Ваничка имѣлъ дѣло съ волкомъ въ первый разъ въ жизни, то принять не рѣшился.

Волкъ, стряхнувъ сучекъ, направляется къ опушкѣ, но сучки опять его кладутъ, хотя держать и не такъ долго и плотно, какъ въ первый разъ; Ваничка-же, стараясь стоптать звѣря лошадей, еще мѣшаетъ имъ.

Въ то время подбрасываетъ собакъ еще Василий, лакей Серг. Павл., и одна изъ его сукъ, молодая „Лихотка“, сразу принимаетъ участіе въ борьбѣ, а глядя на храбрость сучки, и „Со-

кодь“ начинаетъ пощипывать за гачи. Присутствіе Васьки, который, кажется, и ноги-то на сѣдло подобралъ, придаетъ храбрости и Ваничкѣ. Ваничка соскакиваетъ съ лошади, выхватываетъ кинжалъ и, потерявъ папаху, бѣжитъ къ мѣсту свалки, но запутывается въ несобранной сворѣ и во весь ростъ растягивается, пока-же встаетъ, да распутывается, волкъ, вмѣстѣ съ собаками, скрывается въ чащѣ.

Кругомъ мѣста борьбы, по кустамъ, клочки волчьей шерсти, и собаки вернулись въ крови всѣ. Какъ-же, оставленный Ваничкой караулить колки, Васька проворонилъ волка—вѣдаетъ одинъ Аллахъ.

А вѣдь какъ я наказывалъ Ваничкѣ пропускать волка и принимать травить въ угонъ уже за колкомъ на озимяхъ, гдѣ если бы однихъ его сучекъ оказалось недостаточно, могъ-бы и я помочь,—такъ вѣдь нѣтъ, не послушался.

Сбить стаю въ Гулинѣ удалось не скоро (въ немъ около 600 десят.); 2 прибылыхъ волковъ и лису изъ-подъ нея убила, охотившаяся въ Гулинѣ, компанія лѣсничаго; третьяго-же, вѣроятно того, что протравили Ваничка съ Васькой, выжлець „Коптило“ вывелъ въ поле на малое Гулино, догнавъ въ оврагѣ и началъ душить. Видя это, рывшій картофель, мужичишка сбѣгалъ домой за ружьемъ и уже полузадушеннаго волка пристрѣлилъ.

— Что звѣрь вы сугубый, хвостатый, видно волковъ травить не то, что съ дѣвками въ Липовкѣ въ монашки играть?! допекалъ Ваничку Серг. Павл. по возвращеніи на квартиру.

VI.

27 Сентября брали зайчистыя мѣста около д. Ивановки. Зайца была такая масса, что они бѣжали сразу по нѣскольку штукъ.

Никита, какъ сбросилъ собакъ по первому бѣлаку, такъ и не могъ уже поймать ихъ до самаго вызова.

Васька до того обезумѣлъ отъ этого количества зайца, что умудрился не затравить ни одного.

Потѣшились тотъ денекъ славно, а все-же не обошлось безъ гадости: „Ахидь“ своры моего Андрея, ударивъ грудью въ лѣвый бокъ „Швырка“—Серг. Павл., убилъ его на смерть.

До дому впрочемъ еще довели живого, но къ вечеру палъ бѣдный „Швырокъ“.

28-го порѣшили учинить дневку съ тѣмъ, чтобы 29-го, мѣстами, дойти до Зеленкина, затѣмъ передневать и 1 Октября взять Зеленкинскія мѣста съ ружейниками, куда пригласить и губернатора.

29-го, часовъ въ 9 утра, выходимъ садиться на коней. Одинъ фургонъ уже съѣхалъ со двора, къ другому привязываютъ, было забытую, одну изъ заводныхъ лошадей.

Ваничка, взявшій на свору еще одного изъ моихъ запасныхъ кобелей—„Сорвана“, уже сидитъ верхомъ. Вдругъ Александръ Павловичъ отзывается Серг. Павл. въ сторону и начинаетъ что-то говорить.

— Такъ что-же ты мнѣ раньше этого не сказалъ?! доносится до насъ недовольный возгласъ Сергѣя Павловича.

Вернувшись, Серг. Павл. извиняется, что сопутствовать намъ не можетъ, такъ какъ вмѣстѣ съ братомъ долженъ немедленно ѣхать домой.

Вотъ-те клюква!

Беремъ въ тотъ-же день „Копани“. Стоимъ на узенькой перемычкѣ. Стая поминутно скалывается. Какъ разъ на меня выходитъ матерая лисица. Все вниманіе ея занято моимъ сосѣдомъ Ваничкой. Собаки увидали лису одновременно со мною и притаились. Свору бросаю въ самый надлежащій моментъ. Вотъ «Злодѣйка» уже около самой лисы, а та ее еще не замѣчаетъ; только остается разинуть ротъ, чтобы схватить, но лиса, быстрѣе мыши, вертъ въ сторону и вѣдь посторонилась-то такъ самую чуточку, а сука разѣхалась.

Откуда ни возьмись треклятый бѣлячишка—прямо въ зубы собакамъ. Бѣлячишку-то потащили, а кумушка,—да вѣдь какая кумушка-то!—ушла.

И вотъ въ такомъ родѣ—вся почти осень. Однако, несмотря на всѣ эти мерзости и пакости, въ теченіе прошлаго 1885 года, всѣми правдами и неправдами нами уничтожено: волковъ 15 штукъ, лисъ 50 штукъ съ маленькимъ даже хвостикомъ, русаковъ около 200, да штукъ 60 бѣляковъ, причемъ много помогли весеннія облавы.

В. Дмитріевъ.